

ХІІ

НИКОЛАИТЫ

**Грѣхи некоторыхъ людей явны и прямо
ведутъ к осужденію, а некоторыхъ
открываются впоследствии.**

Первое посланіе Павла к Тимофею
5:24

**Ты ненавидишь дела Николаитов,
которые и Я ненавижу.**

Откровение Іоанна
2:6

зыка читателя, вероятно, уже давно готов сорваться вопрос, который было совсем не трудно предвидеть и в отношении которого мы до настоящего времени делали вид, что его не замечаем. Однако пришел и его черед. Вопрос этот можно сформулировать так: можно ли себе представить, что за двухтысячелетнюю историю христианства, наполненную преданиями о подвигах католических и православных святых, историю, за время которой написан не один миллион страниц как самими этими святыми, так и о них, не нашлось ни одного человека, пришедшего к тем же выводам, что и автор этих строк? Неужто же все церковные мудрецы и святые, бывшие до настоящего времени, в лучшем случае заблуждались, а в худшем лгали?

Такая постановка вопроса вполне оправдана уже тем, насколько более льстит разуму и чувствам добропорядочного читателя принцип победы добра над злом, правды над неправдою. Но, читатель мудрый, задающий подобный вопрос! Если сия двухтысячелетняя история могла бы быть представлена как триумф праведности над заблуждениями, — пусть даже мы будем идеализировать сей триумф, закрывая глаза в нежелании замечать разоренные «святыми» и сожженные ими дотла библиотеки, и горы трупов еретиков, пораженные мечом «праведных», — то в чем состоит тогда «тайна беззакония», о которой Апостол Павел еще те самые две тысячи лет назад писал, что она «уже в действии» (2 Фес 2:7)?

Наш читатель не должен ни расстраиваться, ни стыдиться, если он не знает, что такое «тайна беззакония», ибо даже такой столп западной христианской традиции, как Блаженный Августин, упоминая сию тайну, не стеснялся писать: «Признаюсь честно, я не понимаю этих слов [Павла]» (Августин. О граде Божием. Книга XX.19). В отношении же мнений, высказанных до него, Августин называет их «человеческими догадками» и пишет, что «слова Апостола толкуются гадательно одними так, другими иначе» (Там же).

В продолжение же ответа на вопрос читателя, а также в попытке раскрыть тайну сего беззакония, мы вынуждены будем вновь напомнить некоторые фрагменты Священного Писания и наши идеи, уже приводимые нами в главе об учениях человеческих. Итак, Павел говорит: «Я знаю, что по отшествіи моем войдут к вам волки лютые, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою» (Деян 20:29–30).

Павлу вторит и Петр (2 Пет 2:1–22):

Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель. *И многие* последуют их разврату, и через них *путь истины будет в поношении*. И из любостязания будут уловлять вас лстивыми словами; суд им давно готов, и погибель их не дремлет... Они получают возмездие за беззакония, ибо они полагают удовольствие во вседневной роскоши; срамники и осквернители, они наслаждаются обманами своими, пиршествуя с вами. Глаза у них исполнены любострастия и непрестанного греха; они прельщают неутвержденные души; сердце их приучено к любостязанию: это сыны проклятия. *Оставив прямой путь, они заблудились*, идя по следам Валаама... Это безводные источники, облака и мглы, гонимые бурей: им приготовлен мрак вечной тьмы. Ибо, произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении. *Обещают им свободу, будучи сами рабы тления*; ибо кто кем побежден, тот тому и раб. Ибо если, избегнув скверн мира чрез *познание* Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, опять запутываются в них и побеждаются ими, то последнее бывает для таковых хуже первого. Лучше бы им не *познать пути правды*, нежели познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди. Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и: вымытая свинья идет валяться в грязи.

В связи с этим отрывком Петра необходимо сделать то же замечание, что мы делали в свое время в отношении Павла, — речь идет о тех, кто познал и Бога, и Спасителя Иисуса Христа, кто познал путь правды, а не о внешних, тем же паче не о язычниках.

Петром и Павлом вовсе не завершается список Апостолов, предрекавших приход заблуждений и соблазнов, составляющих проявление тайны беззакония. Вот, что пишет об этом Иуда, послание которого, так же как и Петра, насыщено обличениями в разврате и распутстве (Иуд 4–19):

Вкрались некоторые люди, издревле предназначенные к сему осуждению, нечестивые, обращающие благодать Бога нашего в распутство и отвергающиеся [и] единого Владыки Бога [и] Господа нашего Иисуса Христа... Сии *злословят то, чего не знают*; что же по природе, как бессловесные животные, знают, тем растлевают себя. Горе им, потому что идут путем Каиновым, предаются обольщениям мзды, как Валаам, и в упорстве погибают, как Корей. Таковые бывают соблазном на ваших вечерах любви; пиршествуя с вами, бесстрашно утучняют себя. Это безводные облака, носимые ветром; осенние деревья, бесплодные, дважды умершие, исторгнутые; свирепые морские волны, пенящиеся срамотами своими; звезды блуждающие, которым блюдется мрак тьмы на веки. О них пророчествовал Енох, седьмой от Адама, говоря: „се, идет Господь, со тьмами святых Ангелов Своих — сотворить суд над всеми и обличить всех между ними нечестивых во всех делах, которые произвело их нечестие, и во всех жестоких словах, которые произносили на Него нечестивые грешники”. Это ропотники, ничем не довольные, поступающие по своим похотям; уста их произносят надутые слова; они оказывают лицепрятие для корысти... В последнее время появятся ругатели, поступающие по своим нечестивым похотям. Это люди отделяющие себя [разделяющиеся], душевные, не имеющие духа.

Мы обязаны особо подчеркнуть, что все вышеперечисленное носит не некий частный характер, справедливый по отношению к тем или иным группам и еретическим сектам, малочисленным по сравнению с торжествующей над всеми ересями церкви. Сие есть всеобщее явление, подобное посеву заглушающих добрые побеги плевелов: «Будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням» (2 Тим 4:3–4). Рассудите сами, был ли хоть какой-то смысл писать о таком тривиальном положении, что *некоторые* «здравого учения принимать не будут»? Конечно, Павел говорит о всеобщем заблуждении — не слух, хотя бы и верный (ср. 1 Кор 5:1), но вообще слышно: «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие» (2 Тим 3:1); «Злые же люди и обманщики будут *преуспевать* во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь» (2 Тим 3:13).

И вновь звучит, на этот раз у Павла, тема разврата: «К сим принадлежат те, которые вкрадываются в дома и обольщают женщин, утопающих в грехах, водимых различными похотями, *всегда учащих и никогда не могущих дойти до познания истины...* сии противятся истине, люди, развращенные умом, невежды в вере» (2 Тим 3:6–8), «имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся» (2 Тим 3:5); «Но они не много успеют; ибо их безумие обнаружится перед всеми» (2 Тим 3:9). И (2 Фес 2:3–12):

День тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога. Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это? И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо *тайна беззакония уже в действии*, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего того, которого пришествие по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду.

Мы привели во многом даже одинаковыми словами сформулированные предсказания Павла, Петра и Иуды, относящиеся к лжепророкам, и было бы странной несправедливостью обделение вниманием Иоанна Богослова, который более других лаконичен в своих посланиях, но высказывается в том же ключе: «Многие обольстители вошли в мир, не исповедующие Иисуса Христа, *пришедшего* во плоти: такой человек есть обольститель и антихрист» (2 Ин 7). Чуть иначе выражает ту же самую мысль Иоанн в другом послании: «Много лжепророков появилось в мире. Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, *пришедшего* во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, *пришедшего* во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире» (1 Ин 4:1–3).

Обратим внимание на кажущуюся чисто грамматической тонкость слов (ср. Прем 8:8) Иоанна Богослова: Он говорит о Христе *пришедшем*¹, но не о *приходившем*!!! Разница между этими

¹ Совершенное время в греческом используется в отношении действия, которое совершено в прошлом раз и навсегда, не нуждаясь в том, чтобы быть повторенным в будущем.

глагольными формами очевидна: в случае, когда мы говорим об Иисусе, *приходившем* во плоти, подразумевается, что Он к моменту сообщения об этом Его приходе уже ушел, будучи вознесен от мира на небеса, то есть туда, откуда он и пришел, и более не пребывает с нами, по крайней мере «во плоти». Когда мы говорим об Иисусе, *приходившем* во плоти, допускается, что Он *еще* будет приходить во плоти. Тогда же, когда используются, как у Иоанна, слова «*пришедшего* во плоти», то само собою разумеется, что Христос и поныне не оставил нас, будучи во плоти и сейчас. На всякий случай Иоанн подчеркивает это трижды (1 Ин 4:2, 3; 2 Ин 1:7). И было бы верхом безрассудства считать, что такой взгляд является сугубым отличием Иоанновых писаний: «Се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» — таковы последние слова Евангелия от Матфея (Мф 28:20).

Предыдущие главы избавляют нас от необходимости давать пояснения в отношении того, что ныне Христос обитает во плоти каждого истинно уверовавшего в Него: «Не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2:20; Флп 1:20), «или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас?» (2 Кор 13:5)! Только так и можно понимать сказанное Иоанном в отношении различения истинных и ложных учителей.

Подчеркнем, что речь идет об истинных верующих. В отношении же всех остальных действуют совсем другие слова: «Лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф 8:20; Лк 9:58), ибо обителью Его они не стали.

Описывая составляющие тайну беззакония заблуждения и соблазны, нельзя уйти от необходимости анализа такого высказывания Иисуса: «Блажен, кто не соблазнится о Мне [или Мною]» (Мф 11:6; Лк 7:23). Итак, Иисус Христос является все-таки соблазном, да еще таким, что из числа называющих себя Его именем лишь малая часть будет блаженна, если не соблазнится, если не ошибется в Его отношении, о Нем, Им. Причем, употребив слова «лишь малая часть», мы встали на слишком оптимистические позиции, ибо даже оставшиеся одиннадцать Апостолов Иисуса были обречены следовать пророчеству Учителя: «Все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь; ибо написано: „поражу пастыря, и рассеются овцы“» (Мк 14:27). Что же говорить обо всех остальных?!

Выбор, содержащий опасность соблазна, более чем ясен: либо выбрать Господа Иисуса Христа, являющегося посредником между Богом и человеком (ср. 1 Тим 2:5), Который всей славою Своею пребывает в человеке (ср. Кол 1:27), — либо поклоняться, пытаясь внешне соединиться с образом Иисуса (1 Кор 5:1 см. наш комментарий в гл. I.X.8.4, с. 327–329), помещенного в рукотворенном храме, как Бог, и превознесенного выше всего, называемого Богом и святынею (ср. 2 Фес 2:4).

Что же получается? Дух, который исповедует, что «во все дни до скончания века» (Мф 28:20) «Христос в вас, упование славы» (Кол 1:27), «Дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во [всякой] плоти, есть от Бога» (1 Ин 4:2). И «если бы мы или даже Ангел с небес стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал 1:8). Да будет анафема на того, кто будет благовествовать Иисуса Христа ушедшего (во плоти или нет — не важно), ибо всякий такой дух «не есть от Бога, но это дух антихриста [помещенного в рукотворенном храме, как Бог, и превознесенного выше всего, называемого Богом и святынею (2 Фес 2:4)], о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире» (1 Ин 4:3).

«Какие странные слова! кто может это слушать?» (Ин 6:60)¹...

¹ То, с чем читатель ознакомился к настоящему времени, является лишь введением в тайну беззакония. В будущем читателя ждет куда как более твердая пища.

2

Понял ли то читатель или нет, принял ли то читатель, но в предыдущей главе, раскрыв арифмологию числа тридцать, мы сняли вину с Иуды Симонова Искарриота. И даже более того — дерзнем утверждать, что Иуда первым, еще до Павлова обращения понял, что «если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1 Кор 15:14). Он понимал и то, что без Голгофы, без крестных мук, без смерти не будет и воскресения из мертвых, без которого была бы тщетна и вера. Не будет слишком смелым заключение, что Иуда, очевидно, понимал и многое другое, чего мы пока не понимаем, или же понимаем, но не осмеливаемся высказать¹.

Так или иначе, Иуды Искарриотского не было среди тех, чье «печалью исполнилось сердце» при словах Иисуса: «Теперь иду к Пославшему Меня» (Ин 16:5). Иуды не было среди тех, кому надо было объяснять: «Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы я пошел, ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам. И Он, придя, обличит мир о грехе, и о правде, и о суде: о грехе, что не веруют в Меня; о правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня; о суде же, что князь мира сего осужден» (Ин 16:7–11).

Одним словом, Иуда является для христианства едва ли не самой значительной фигурой после Самого Христа. Но даже если и не так, неизвинителен ты, всякий человек, судящий Иуду, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, *судя Иуду, делаешь то же* (ср. Рим 2:1); Кто ты, осуждающий Иуду? Перед своим Господом стоит он, или падает. И будет восстановлен, ибо силен Бог *восставить* его (ср. Рим 14:4). Или читателю кажется, что у Всемогущего Бога не хватило бы сил воскресить Иуду?

Однако можем ли мы отбросить Иисусовы слова: «Не двенадцать ли вас избрал Я? *но и* один из вас диавол» (Ин 6:70)? Конечно, от сего речения нам никуда не уйти, но при чем же здесь Иуда?²

¹ Кос-что мы все-таки выскажем, когда придет время. Повод же у нас будет, ибо мы пока не объяснили многого в истории Иуды, например того, что он назван вором, или того, что в Иуду вошел сатана, причем с куском, *полученным из рук Спасителя*. Многое и другое, на что мы сейчас только намекаем, нам предстоит.

² Наши оппоненты, будто и вправду уличили нас, высокомерно указывают, что за словами «один из вас диавол» следует «несомненное» разъяснение: «Это говорил Он об Иуде Симонове Искарриоте, ибо сей хотел предать Его, будучи один из двенадцати» (Ин 6:71). Заметим тут, что упомянутому разъяснению целиком посвящается *последний* стих шестой главы четвертого Евангелия. Не настаивая, что этот стих — приписка, отметим все же, что место для приписки самое удобное. Второй наш довод состоит в том, что текст Иоанна является самым сложным из Евангелий, изобилуя весьма странными по букве логическими нитями. И эта логика никак не изъясняется. К примеру, Иоанн оставляет как сами собой понятные слова о «сыне погибели» (Ин 17:12); никакого комментария, с его точки зрения, не заслуживают слова: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему» (Ин 20:17), будто прикоснуться к Иисусу после восшествия Его к Отцу не составит труда... И сим перечисление не ограничивается. В данном же случае приводится комментарий для слабоумных. А ну как последний стих отсутствовал бы? Неужели кто-то не в первую очередь подумал бы об Иуде? То есть стих сей просто лишний... В-третьих, современная текстология Нового Завета одним из предметов изучения имеет *преднамеренные изменения при передаче текста Нового Завета* и, в частности, изменения, внесенные по *доктринальным* соображениям: «Рукописи Нового Завета хранят следы двух видов догматической правки: 1) приведшей к изъятию или изменению того, что рассматривалось как богословски неприемлемое или неудобное, и 2) вносящей в Священное Писание „обоснование“ излюбленного богословского положения или сложившейся практики» (Брюс М. Мецгер*. Текстология Нового Завета III.VII.2). Обратим еще внимание, что Курт Аланд* в стихе, состоящем из пятнадцати (греческих) слов указывает целых четыре (!) разночтения по различным кодексам. Но даже если читать стих 6:71 полинным, то и тут все разваливается. Для буквалиста он должен быть параллелен словам Иисуса: «Тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил, и никто из них не погиб, кроме сына погибели» (Ин 17:12) из того же (!) Евангелия. За пространностью анализа мы лишь позже покажем, что Иуда Искарриот не имеет ни малейшего отношения к сыну погибели. И тогда получается, что среди тех,

Впрочем, для тех, кто стал бы упорствовать во мнении, что именно Иуда есть тот, кого Иисус называет дьяволом (Ин 6:70), существует довод совершенно убийственный. Во время Тайной вечери Иисус подает Иуде кусок, после которого «вошел в него сатана» (Ин 13:27). Что же получается? Не абсурд ли? — Сатана входит в дьявола?! И в этом участвует Господь Иисус Христос, Спаситель?! Не говоришь ли ты, читатель, что «сатана сатану изгоняет» (Мф 12:26)? Но тогда Иуда был бы окончательно чист... Но «как может сатана изгонять сатану?» (Мк 3:23).

Итак, Иуда не дьявол. Не Иуда дьявол. Ведь не Иуда же был тем человеком, обращаясь к которому, Иисус говорил: «Отойди от Меня, сатана» (Мф 16:23; Мк 8:33). Да сии слова Иисус обращал, кроме самого дьявола, от коего Он был искушаем в пустыне (Мф 4:10; Лк 4:8), лишь к одному из своих учеников. И ведь не Иуда же *троекратно* отрекался от своего Учителя.

Бесполезно строить хотя бы какие-то иллюзии в попытке заинтриговать читателя, ибо тот, кто хоть раз читал Новый Завет, без сомнения уже понял, что мы говорим об Апостоле Симоне, прозванном Петром. В дополнение к описаниям *троекратного* отречения, которое мы не видим смысла повторять (Мк 14:30, 66–72), Евангелия содержат многие другие должны быть замеченными свидетельства.

«И сказал Господь: Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас, как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы *не оскудела вера* твоя; и ты *некогда, обратившись*, утверди братьев твоих» (Лк 22:31–32). Что же скажем мы в отношении этого фрагмента? Во-первых, сеяние, подобное пшенице, есть дело, угодное сатане, — сие мы лишь напоминаем читателю.

Во-вторых, вера Петра, оказывается, такова, что имеет тенденцию к оскудению, и требуется молиться, чтобы сие не произошло в чрезмерных масштабах. Что же до самого факта оскудения веры, то мы обязаны обратить внимание на явно параллельный фрагмент из того же Луки: «Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк 18:8). Разве можно было бы ставить вопрос подобным образом, если бы вера на земле была сохранена хотя бы в церкви?

В-третьих, Петру предстоит встать на такие позиции, с которых он должен будет обратиться к истине, а ведь к истине нет нужды обращаться, пребывая в ней, к ней нельзя обратиться, стоя на истинных позициях, — к истине можно *обратиться* лишь от неправды.

Наконец, взглянем на эпизод последней главы Евангелия Иоанна. Для правильного ее понимания напомним, что «*Иисус от начала знал, кто суть неверующие и кто предаст Его*» (Ин 6:64), что Иисус видел людей насквозь, «зная помышления их» (Лк 11:17). Итак (Ин 21:15–18):

Когда же они обедали, Иисус говорит Симону Петру: Симон Ионин! *любишь* ли ты Меня больше, нежели они? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси агнцев Моих. Еще говорит ему в *другой* [или *второй*] раз: Симон Ионин! *любишь* ли ты Меня? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих. Говорит ему в *третий* раз: Симон Ионин! *любишь* ли ты Меня? Петр опечалился, что в третий раз спросил его: *любишь* ли Меня? и сказал Ему: Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих. Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и *другой* препояшет тебя, и *поведет, куда не хочешь*.

кого Отец дал Иисусу суть два разных отрицательных персонажа: дьявол (Ин 6:70) и сын погибели (Ин 17:12; ср. 2 Фес 2:3). Такое число врагов столь абсурдно, что критиковать его не требуется... Сделать вывод из сказанного нами мы предлагаем читателю самостоятельно.

Прочтя этот отрывок, можно задать себе вопрос: настолько ли уж удовлетворяла Иисуса любовь к Нему Петра, если Он, зная «от начала» ответ на Свой вопрос, все-таки задает его трижды, как бы ожидая, что Петр во второй раз ответит не так, как он отвечал в первый. И для чего спрашивать в третий раз?

А может быть, все проще гораздо? Прочитаем текст, записанный Иоанном на греческом. Иисус спрашивает в первый раз: «Любишь (ἀγαπᾷς) ли Меня?», используя в своем обращении глагол ἀγαπάω (agapáo)¹. Но Петр отвечает: «Ты знаешь, что я люблю (φιλῶ) Тебя», но при этом использует совсем другой глагол: φιλέω (phileo). Иными словами, в диалоге Иисуса с Петром — два различных глагола, переводимых на русский и на многие другие языки как «любить». Но глаголы сии смысловразличимы, и, приняв во внимание их смысловые тонкости, надо понимать, что Иисус спрашивает Петра: «Ценишь ли ты Меня превыше всего? — а Петр отвечает: «Ты знаешь, что я поклоняюсь Тебе». Любовь — φιλία — всего лишь образ любви — ἀγάπη, подобно тому, как плотские хлеб и вино — лишь образы Учения и Откровения. Любовь — φιλία ценна лишь тем, что без нее человек не имел бы даже отдаленного представления об истинной любви. Петр любит Иисуса не так, как надо. Петр отвечает на вопрос, который ему не задавали, а на поставленный вопрос так и не дает ответа. Вовсе не удивительно, что Иисус переспрашивает².

А между тем Петр является краеугольным камнем церкви, и в символическом смысле замена глаголов в ответе Петра весьма характерна для последней.

Только на третий раз, в Своем третьем вопросе, когда качество Петровой любви уже продемонстрировано, Иисус заменяет и в своем вопросе ἀγαπᾷς на φιλεῖς, давая тем самым возможность Петру быть по крайней мере правдивым.

Кроме сего, в последней фразе цитируемого отрывка скрыта мало кем (если вообще кем-то) замечаемая тайна, настолько важная для нашего нынешнего повествования, что мы обязаны вновь выделить ее: «Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и *другой* препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь» (Ин 21:18).

То, куда суждено Петру быть поведенным, не есть крест, а тот «другой» не есть палач³, и это следует из всего духа, коим проникнуты послания Петра, например: «Только бы не пострадал кто из вас как убийца, или злодей, или посягающий на чужое; а если как Христианин, то не стыдись, а прославляй Бога за такую участь» (1 Пет 4:15–16). То есть Петр не боится физической смерти, и палачу Петр не будет сопротивляться, палач поведет Петра именно туда, куда он хочет, — на крест. Иисус же говорит совсем о другом: Петр будет поведен туда, *куда не хочет!* Для человека, понявшего, что в приведенном отрывке Иоанна речь идет совсем не о кресте, не о палаче и не о том, «какою [физической] смертью [Петр] прославит Бога» (Ин 21:19), — в

¹ В приведенной ранее цитате мы выделили курсивом слово «любишь», когда оно является переводом греческого ἀγαπάω.

² Мы как-то уже отмечали, что скорее всего Иисус разговаривал со Своими учениками по-арамейски или по-сирийски. Однако не стоит делать из этого абсолютное правило. И уж коль скоро особый смысл отыскивается именно в греческом варианте данного диалога, то и вовсе приходится согласиться, что он велся на греческом.

³ Наши обличители, не желая слушать дальнейших наших рассуждений, указывают на изъяснение в следующем стихе: «Сказал же это, давая разуметь, какою смертью [Петр] прославит Бога» (Ин 21:19). По их мнению, сие есть исчерпывающее опровержение. Однако же сомнительно, как можно *прославить* Бога, через нечто, чего *не хочешь*. Даже если бы комментарий о *другом*, который поведет (Петра), куда тот не хочет, выглядел иначе: «Сие говорил Он, давая разуметь, какою смертью он умрет» (ср. Ин 12:33), то и тогда оставались бы вопросы. Одним словом, слова о прославлении Бога через нежелательную смерть противоречат рассудку и здравому смыслу со всеми вытекающими последствиями (ср. I.I.3, с. 35). Во всяком случае, опираясь на буквальное их понимание, опровергнуть наши рассуждения нельзя. Можно лишь отмахнуться.

этом стихе и речи нет о Петре, его имя добавлено для «ясности» — в предсказании Иисуса отчетливо звучат нотки тревоги. А не тот ли это «другой», «иной», о ком сказано: «Не дам славы Моей *иному* [или другому] и хвалы Моей истуканам» (Ис 42:8)?!

Остановимся тут и отметим, что нашей христианской этике была бы грош цена в базарный день, если бы, несколькими строками раньше приведя мысль о непозволительности судить Иуду или кого бы то ни было другого, мы тотчас же осудили бы Петра. Решение проблемы и здесь заключается в символическом понимании и Иуды, и Петра, и в необходимости проводить четкую границу между, с одной стороны, Иудой и Петром как таковыми, а с другой — тем, что каждый из них олицетворяет. В случае Иуды — это образ предательства (абсолютно необходимого).

В случае же Петра, ни для кого не секрет, что он, а сие следует из самого его имени, символизирует краеугольный камень Церкви: «Я говорю тебе: ты — Петр (*πέτρος* — *камень*), и на сем камне [ср. Ин 1:42] Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16:18). Покажите ту христианскую конфессию, которая отказалась бы от связи с Петром!

Было бы недопустимым упрощением и далее говорить лишь о личности Петра, ибо он раскаялся еще на страницах Евангелий. Посему мы не только ни в чем не хотим осуждать Симона Ионина, прозванного Кифой, «что значит [по-арамейски]: камень» (Ин 1:42), или Петром по-гречески, но с полным правом пользуемся как богодухновенными источниками посланиями раскаявшегося Петра. Но в аллегорическом понимании все, что происходило или было предсказано в отношении Петра, уже произошло или предсказано в отношении того, символом чего является Петр.

Это означает, что всё — слова упования Иисуса о неоскудении веры, повеления утвердить, некогда обратившись, братьев, предсказание о грядущем препоясании и препровождении «иным» в нежелательное место, равно как и предсказание о трехкратном отречении, — относятся даже в большей степени к тому, что Петр символизирует собой.

В чем же заключаются сии три отречения? В том ли, что церковью начисто забыты слова Иисуса: «Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?» (Мф 5:44–47; ср. Лк 27–28); «И грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то же делают» (Лк 6:32–33); «Благословляйте гонителей ваших, благословляйте, а не проклинайте» (Рим 12:14)?

И быть может, другое отречение церкви состоит в отказе следовать сим словам: «И отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, который на небесах» (Мф 23:9)? — Это при том, что отцов разного ранга и достоинства католическая и православная церкви имеют едва ли меньше, чем звезд на небе.

И не состоит ли третье отречение церкви в забвении сего: «Молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны» (Мф 6:7)?

Да нет, пожалуй. Сии, хоть и суть отходы от слова Божия, все же слишком мелки, чтобы быть действительными отречениями, и больше смахивают на простое непослушание неразумного ребенка. В худшем случае они просто свидетельствуют о том, как множится неверность во многом у того, кто неверен в малом (ср. Лк 16:10). Ибо есть воистину страшные отречения, на зловещем фоне коих то, что мы перечислили, может быть представлено чуть ли не как благодеяния и подвиги. Перейти же к исследованию великих отречений мы сможем лишь напомнив читателю, что все развивается по предначертанному и предсказанному: «Сколько будет слабеть

век от старости, столько будет умножаться зло для живущих. Еще дальше удалится истина, и приблизится ложь» (3 Езд 14:16–17), «тайна беззакония уже в действии» (2 Фес 2:7).

Итак, говоря о трех отречениях, мы дерзнем утверждать, что вослед Петру церковь трижды отвергла Христа, клянясь и божась: «Не знаю Человека Сего, о Котором говорите» (Мк 14:71). Весьма замечательно, что сих отречений — три, а после знакомства с арифмологией мы не можем ошибиться в понимании того, что эти три отречения касаются сих трех: веры, надежды, любви.

Вера (как уверенность в невидимом) в то, что «Бог в нас пребывает» (1 Ин 4:12), «во *всех* нас» (Еф 4:6), и Тот, Кто в нас, больше того, кто в мире (ср. 1 Ин 4:4), полностью забыта! Вместо этого, Бог поселен в рукотворенных храмах, что весьма и весьма противоречит Писанию (ср. Деян 7:48, Ин 4:23). Или, в лучшем случае, Он водворен на земном, *физическом* небе, откуда Он мечет молнии, — вверх, в космосе, то есть опять же в *мире*. Приняв сие положение веры, церковь совершила *первое* отречение — отречение в вере.

И именно теперь, говоря об этом отречении, пора вспомнить вскользь упомянутое нами ранее положение, касающееся соблюдения плотских постов. В свое время мы обращали внимание читателя на обоснование, выдвигаемое традиционным христианством для оправдания таких постов: «Могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? Доколе с ними жених, не могут поститься, но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни» (Мк 2:19–20; Мт 9:15; Лк 5:34–35). Таким образом ими признается их отделение от Христа, а уж разговор о пришествии (и присутствии) Христа в чьей-то плоти воспринимается ими как опаснейшая ересь.

И теперь же будет самое время вспомнить и другой вскользь упомянутый нами ранее фрагмент, где говорилось о звере, отвергающем «уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его и жилище Его» (Отк 13:6). Упоминание в Откровении хулы жилища Божия заставляет совершенно нетрадиционно подойти к проблеме тех, кто, поселив Бога вовне человека, автоматически отверг человека в качестве жилища Бога и тем самым недвусмысленно возвел хулу на жилище Его.

Петр отрекся во второй и в третий раз. И если бы он не отрекся в первый, то ему не было бы нужды отречься и во второй. Говоря о последовательности отречений Петра, нельзя не обратить внимания на возрастающую их тяжесть. Если первое отречение по Матфею и Марку (а именно эти Евангелисты наиболее подробно описывают сцену отречения) выглядело почти безобидным: «Не знаю и не понимаю, что ты говоришь» (Мк 14:68; Мф 26:70), то последнее не вызывает никаких сомнений в своей тяжести: «Он же начал клясться и божиться: не знаю Человека Сего, о Котором говорите» (Мк 14:71; Мф 26:74). Иными словами, последующие отречения являются следствиями первой лжи. Подобно этому и причины символического смысла последующих отречений церкви коренятся в первом. Подобно этому и выглядят они более тяжело.

Следствием первого отречения, по сути своей означающего полную потерю почвы под ногами, является второе отречение — отречение в надежде, понимаемой как надежда спасения. Истинная надежда спасения состоит в том, не ощутят ли Бога, не найдут ли Его в результате поисков, ибо Он недалеко от *каждого из нас* (ср. Деян 17:27). Но поскольку в ближайших окрестностях Бога не видно, а внутрь себя уже в силу первого отречения никто не хочет, да и не видит нужным заглядывать, то надежда соединиться с Богом внутри себя помощью Единого Посредника, дабы стать *одно* (ср. Ин 10:30) и тем самым достичь спасения, отвергается. Отвергается сама возможность ощутить, найти Бога в себе — Бог объявляется непознаваемым¹. Так

¹ Эта тема заслуживает отдельного подробного разбора, но на него уже не хватит места в нашей первой книге.

совершается *второе* отречение. Однако природа, и в том числе природа надежды, не терпит пустоты, и пустота заполняется, затопляется *иной* надеждой.

Чтобы понять, какова замена надежды спасения, прочитаем хотя бы Православный катехизис, весьма характерный в этой своей части для всего традиционного христианства. Хотя мы и не цитируем за пространностью, а лишь пересказываем текст, мы берем его в кавычки, дабы читатель не подумал, что мы разделяем хотя бы и в малейшей степени сии, мягко говоря, домыслы, понимаемые к тому же всеми весьма просто, чтобы не сказать примитивно. Православный катехизис представляют спасение как свершившийся факт: «Чрез страдания, смерть, воскресение и, наконец, вознесение Иисуса Христа завершилось спасение людей. Он принял на Себя грехи *всех людей*, приняв и физические последствия греха, ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, чтобы всех спасти [явная спекуляция текстом Священного Писания (ср. Ин 3:16)]. Христос искупил нас от мук для блаженства».

Католический катехизис лишь заменяет слова: «Своим славным крестом Иисус Христос добыл спасение для *всех людей*. Он искупил их от греха, удерживающего их в рабстве. Его кровь соделалась инструментом прощения грехов *всех людей*».

Все сие основано на «свидетельствах» Писания, а лучше — на цитатах. Причем «цитата» следует в данном контексте понимать так, как это слово определено Амброзом Бирсом: неуместное и ошибочное повторение чужих слов, часто в извращенном виде.

Отметим, что никакого относящегося к сфере разума объяснения сути спасения догматика традиционного христианства не предполагает. Спасение осуществляется неким таинственным образом, недоступным человеческому разуму, как мистерия. Если читателя удовлетворяют последние слова, то лишь оттого, что читатель не додумался заменить «таинственным образом» на «магическим путем», а «мистирию» — на «чародейство».

Впрочем, похоже, мы горячимся. Магия и чародейство действительны (по коей причине они и предсуждаются Законом). В противоположность этому, «таинство» спасения без должного понимания роли Христа — абсолютно пустая мечта. Сия-то и есть та самая вода, которая приводит к великому разрушению дома, построенному на песке без основания (ср. Мф 7:26; Лк 6:48)!!!

Нет, господа католики и ортодоксы, та идея, которую вы излагаете в ваших катехизисах, больше смахивает на соблазн креста (ср. Гал 5:11). Она полностью ложна, абсурдна насквозь — а как же иначе — «Credo quia absurdum». Покажем бессмысленность сих слов, призвав на помощь Священное Писание в его неискаженном виде.

Во-первых, спасение людей *еще не завершилось* даже до сих пор, по прошествии двух тысяч лет после «страданий, смерти, воскресения и, наконец, вознесения Иисуса Христа». Спорить с этим может лишь тот, кто считает, что на земле уже наступило Царствие Божие, а Хиросима и Хатынь, Гиммлер и Берия нам просто приснились. Причем мы имеем в виду вовсе не жертвы, а палачей. Их спасение — что? — тоже свершившийся факт?

Во-вторых, если Христос уже взял на Себя грехи *всех* людей, приняв и физические последствия греха, то чем объяснить, что столь многим людям, начиная с Павла (ср. 2 Кор 12:7–8) и до сих пор, приходится расплачиваться за *свои* грехи, в том числе и физическими их последствиями? Почему не только не исчезли с земли старые болезни, но появляются новые, более страшные? Почему, кто согрешает пред Сотворившим его, несмотря на искупление его грехов Иисусом, впадает-таки в руки врача (ср. Сир 38:15)? Почему не только не исчезли страдания, рожденные войнами, но появились невообразимые во времена Иисуса орудия массового уничтожения? Нет смысла множить вопросы, на которые нельзя дать ответа в традиционном понимании сотериологии.

В-третьих, и самое вопиющее, такое понимание спасения представляет собой не что иное, как бесплатную индульгенцию, подразумевающую не только принятие Христом *уже* содеянных, но и обещание восприятия Им и будущих грехов всех людей, грехов *еще не* содеянных. Что же это есть, как не позволение грешить, ни людей не стыдись, ни Бога не боясь? И чем сие отличается от индульгенций платных, которые даже нынешняя Римская церковь сочла великим стыдом католицизма? Но от индульгенций платных хоть кто-то получал выгоду, наживаясь на соблазне грешников откупиться от своих грехов. От бесплатных же индульгенций пользы не получает никто. Индульгенция — пусть она выдается бесплатно и называется другим именем, например, «Православный (Католический, Лютеранский и т. д.) катехизис» — остается бесполезной бумагой, которой трудно подобрать достойное употребление, а надежда, которую она предлагает, есть мутная, негодная вода, которая вообще ни к чему не годна, — только выплеснуть ее вон (ср. Прем 16:29).

Эти наши рассуждения могут кем-то быть расценены как слишком спекулятивные. Однако не в них заключен наш главный довод против неправды катехитических формулировок. Почитаем слова Павла, написанные им — ясное дело — после страданий, смерти, воскресения и, наконец, вознесения Иисуса Христа, то есть тогда, когда миссия служения Его как Спасителя была уже (согласно катехизисам) выполнена или когда, по мнению тех, кто разделяет мнение упомянутого катехизиса, уже завершилось искупление всех людей, в том числе и от физических последствий их греха: «Вся тварь совокупно стенает и мучится *доныне*; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, *ожидая* усыновления, искупления тела нашего» (Рим 8:22–23).

Напомним, что Павлу дано, по его же словам, «жало в плоть» (2 Кор 12:7). Но если таково положение Павла, святого, то не абсурд ли говорить об искуплении всех людей даже и от физических последствий греха, искупления от коего, только лишь ожидает Павел? — Конечно, ведь «Credo quia absurdum».

Но и это еще не все. Повторим: «Знаем, что *вся тварь совокупно* стенает и мучится *доныне*» (Рим 8:22). Но это значит, что и члены церкви стенают *доныне*. Еще знаем: «Страдает ли один член, страдают с ним *все члены*» (1 Кор 12:26). И глава Церкви — Иисус Христос — ведь голова никак не может быть исключена из числа членов тела — не является исключением. Иными словами, Иисус Христос «мучится *доныне*».

«Какие странные слова! кто может это слушать?» (Ин 6:60)...

Но закончим на этом тему второго отречения церкви — отречения в надежде — и перейдем к третьему отречению. Сие есть отречение в любви, и, хотя оно и оказалось в нашем изложении третьим, оно далеко не третьестепенно. Чтобы показать это, нам придется еще раз напомнить читателю, как формулировал первую и наибольшую заповедь в законе Иисус: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем *разумением* твоим, и всею крепостию твоею» (Мк 12:30; Мф 22:37).

Третье отречение церкви от Христа заключалось в том, что Христа стали почитать как Бога, выше Бога. Может показаться, что мы говорим странные вещи. Возможно ли отречься от кого-то, искренне почитая объект своей любви? Однако в сказанном нами нет никакого парадокса, ибо первейший призыв Иисуса заключался в любви к Богу и в познании истины: «Бог есть Дух: и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и *истине*» (Ин 4:24). Любое же другое поклонение, в особенности когда оно не подразумевает иного, кроме как посещения храма и коленопреклоненной молитвы или земных поклонов, не есть поклонение в духе — сие есть отступление от *истины*, следовательно, сие есть отречение от Христа.

Помимо того, само поклонение Иисусу Христу не есть истинное поклонение по Его же словам. Свидетельство сего черным по белому написано Иоанном в завершающей главе Откровения: «Я, Иоанн, видел и слышал сие. Когда же услышал и увидел, пал к ногам Ангела, показывающего мне сие, чтобы *поклониться* ему; но он сказал мне: *смотри, не делай сего*; ибо я [строчная буква] сослужитель тебе и братьям твоим пророкам и соблюдающим слова книги сей; Богу поклонись. И сказал [он же] мне: не запечатывай слова книги сей; ибо время близко. Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, и святой да освещается еще. Се, грядя скоро, и возмездие Мое [начиная с этого места буква чудесным образом меняется на прописную] со Мною, чтобы воздать каждому по делам его. Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний» (Отк 22:8–13).

Сей фрагмент является наиудивительнейшим с точки зрения путаницы в употреблении строчных и прописных букв, ибо Тот, от Лица Кого идет повествование, начиная со слов «смотри, не делай сего» не меняется, в чем читатель может без труда убедиться сам. И Тот, Кто называет Себя Альфой и Омегой, началом и концом, Первым и Последним, запрещает поклоняться Себе, но повелевает поклоняться Богу, подчеркивая тем самым разницу между Собой и Богом.

Традиционное христианство, конечно же, не могло позволить приписать первую часть обращения Иисусу, потому переводчики и вынуждены были пуститься в спекуляции с заглавными и строчными буквами, а также прибегать к домыслам, что-де слова про Альфу и Омегу принадлежат Иисусу Христу, подхватывающему глас ангела с небес, или же что первые слова о запрете поклонения себе сказаны им через Ангела, а последующие — без посредников.

Между тем, что в Откровении написано, то написано, и тот, кто пытается *разделить* слова Говорящего в указанном фрагменте, сознательно или неосознанно пытается прибавить к словам Откровения (ср. Отк 22:18), пусть даже в виде только изменения высоты букв, что весьма сильно искажает слово Божие. Таким людям было бы вовсе нелишне вспомнить весь стих: «И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы» (Отк 22:18). Впрочем, быть может, они считают, что от такого наказания Христос Своей крестной жертвой также избавил их заранее?!

Мы уже не говорим о том, что для того, чтобы оправдать поклонение Иисусу Христу, была изобретена сказка о Троице¹, которая даже по словам христианских катехетов такова, что «настоящему проникнуть до конца в тайну Пресвятой Троицы мы не можем» (Православный катехизис 1:5), и «Из всех откровенных тайн сия — наиболее недостижима разуму» (Католическая энциклопедия). Св. Иероним высказался по этому поводу так: «Истинное исповедание тайны Троицы состоит в признании, что мы не вмещаем ее» (De mysterio Trinitatus recta confessio est ignoratio scientiae — «Proem ad 1. XVIII in Isai»).

Не просто сомнения и попытки оспорить догмат о Троице, но даже старание найти разумное доказательство понятию Троицы определенно осуждаются церковью. А между тем недостижимость Троицы человеческому разумению *a priori* делает абсолютно невозможным возлюбление Бога всем человеческим разумением (ср. Мф 22:37; Мк 12:30; Лк 10:27). Ну не отвержение ли в любви — «не знаю и не понимаю, что ты говоришь» (Мк 14:68)!!!

¹ Этим термином довольно широко пользуется Ориген. Даже у Климента он встречается. Но заметим, что под эти именем Александрийцы понимают Отца, Сына и Духа Святого. Если к этому не прибавлять пустословия о соравенстве Лиц, нераздельности и неслиянности и единосущии и проч., то и мы могли бы им пользоваться. Но термин сей рефлекторно вызывал бы у читателя ассоциации с тем, что мы ни при каких обстоятельствах не можем приписать Отцу, Сыну и Духу Святому.

Сия невозможность разумения неизбежно ведет к «словопрениям» (1 Тим 6:4) и поношению пути истины (ср. 2 Пет 2:2), от которой «отступив, некоторые уклонились в пустословие, желая быть законоучителями, но не разумея [*по их же собственному признанию*] ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают» (1 Тим 1:6–7). И какие бы оправдания ни приводили эти люди, чем бы ни объясняли свое учение, невозможность разумного восприятия догмата о Троице неизбежно превращает традиционное христианство, призванное быть строго монотеистическим, в политеизм.

Признание в этом, заключающееся в подчеркивании отличий традиционного христианства от единобожия, легко читается между строк написанного епископом Александром Семеновым-Тянь-Шанским катехизиса, к коему мы так часто обращаемся: «Люди, которые верят только в единоголичного Бога, представляют Его нередко суровым и деспотическим. Действительно, если Бог был бы одиноким, откуда зародилась бы в нем любовь? Любовь там, где есть кому любить и кого любить» (Православный катехизис 1:3).

От такой аргументации теряешь дар речи и умолкаешь — это единственная польза, кою можно извлечь из подобных писаний. Действительно, откуда взяться у Единого Всмогущего любви?! Единственное, что приходит на ум, так это слова Иисуса: «Кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Мф 13:12). Однако вспомнив, что в одной из первых глав мы договорились понимать в качестве символа единобожия иудеев, мы можем сказать и иначе о таких людях. Впрочем, не мы, а Дух Святый глаголет: «Говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, но сборище *сатанинское*» (Отк 2:9). При том понятно, что «не все те Израильтяне, которые из Израиля» (Рим 9:6) и «не тот Иудей, кто по наружности... но тот Иудей, кто внутренне таков» (Рим 2:28–29). Имея это в виду, заключим: «Спасение от Иудеев» (Ин 4:22), то есть от монотеистов — от истинных монотеистов, а не от тех, которые говорят о себе, что они монотеисты, а они не таковы, но сборище сатанинское.

Таковы три отречения церкви.

Петух, впрочем, еще не пропел второй раз, поэтому церкви пока не приходила пора вспомнить сказанное Иисусом: «Прежде нежели петух пропоет *дважды*, трижды отречешься от Меня» (Мк 14:72), посему церковь не только не собирается заплакать, но продолжает, бия себя в грудь, говорить: «Если и все соблазнятся, но не я» (Мк 14:28).

При этом источником особой уверенности церкви в своей праведности являются слова Иисуса: «На этом камне Я создам Церковь Мою, и *врата ада не одолеют ее*» (Мф 16:18). На самом же деле сие не опровергает ничего из сказанного нами, но даже подтверждает, ибо мы ни в коем случае не пытались доказать, что врата ада уже-таки одолели либо же вот-вот одолеют церковь. Читатель должен отдать себе отчет, что вопрос о преодолении или же о непреодолимости церкви вратами ада нельзя было бы даже упоминать всерьез, если бы церковь неизменно оставалась бы «не имеющею пятна или порока, или чего-либо подобного» (Еф 5:27) в буквальном понимании. Ведь нельзя же всерьез ставить вопрос, одолеют ли врата ада Бога, или Слово Его, или Премудрость Его, или Духа Святаго.

Вопрос того, одолеют ли врата ада церковь или же нет, может быть поставлен только тогда, когда церковь подойдет к самым вратам. И, хотя мы знаем, что в итоге «врата ада не одолеют ее», ситуация такова, что церковь вплотную подошла к сим вратам. Вот вам, пожалуйста: «Когда состаришься, то прострешь руки твои, и *другой* препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь» (Ин 21:18). Но, как написано у пророка: «Не дам славы Моей иному [другому] и хвалы Моей истуканам» (Ис 42:8).

3

Церковь — собрание под Единым Главой — Христом. Лучше сказать: церковь должна быть собрание под Единым Главой — Христом, во имя Христа. Собрание великое должно объединять нечто великое, положительное. Но на самом же деле трижды отрেকшаяся от Христа церковь объединена под совсем другой идеей — «преданной от апостолов» догматикой¹.

Между тем вся церковная догматика построена на богопротивном принципе. Объяснимся: в Притче о плевелах читаем: «Рабы сказали [домовладыке]: хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но он сказал: нет, — чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы» (Мф 13:28–29). Разве церковная традиция послушалась этого указания?! Да она не просто проигнорировала его, но на протяжении всей своей истории поступала противно сказанному!

Ведь ни один даже самый правоверный историк церкви не станет отрицать, что вся догматика традиционного христианства построена на выборе плевелов — борьбе с ересями: «Церковь твердо установила *против* докетов истинное человечество Иисуса Христа, *против* евионитов и феоносиан Его Божество, *против* савеллиан Его ипостасное отличие от Отца, вместе с тем *против* язычников принцип единства Божества...» (М. Э. Поснов. История христианской Церкви IV). Далее *против* ариан церковь провозгласила единосущие Отца и Сына. Далее было одно *против* монофизитов, другое *против* монофелитов, третье *против* несториан. Всегда свойства Божии утверждались *против* кого-то, зависели от тех, против кого они измышлялись. И вы утверждаете, что все новые и новые «против» и «против» составляют нечто преданное от апостолов?! Ведь вся догматика построена в ходе деятельности, *запрещенной* домовладыкой! Что здесь еще объяснять?! Что же с вашими глазами, господа «отцы»? Не бревнами ли они закрыты?!

Но и это еще не все. Напомним мысль кн. Е. Н. Трубецкого (см. I.II.3, с. 63) о том, что с точки зрения спасения государственного единства нужна единая вера и кто держится другого вероисповедания, тот не только еретик, но и бунтовщик. По словам кн. Трубецкого: «Отсюда стремление императора определять *самое содержание христианского догмата*... Он предписывает ... верить или не верить в единосущие Сына Божия Отцу или равенство Св. Духа Сыну, признавать в Сыне одно или два естества и т. п.» (Е. Н. Трубецкой. Философия христианской теократии в V в. I.I).

Да и о самом единосущии нельзя не заметить, что термин *ὁμοούσιος* (*ζαμουσιος*) был спешно вымышлен в ходе Никейского собора и не был принят даже всеми противниками Ария, ибо слишком напоминал незадолго до этого анафематствованное савеллианство*. Во всяком случае тезис о том, что *ὁμοούσιος* является плодом предания, восходящего к Апостолам, целиком и полностью абсурден. А ведь *ὁμοούσιος* — неотъемлемая часть догмата...

И потом вы говорите: «Догматы вследствие своего божественного (???) происхождения безусловно истинны и непреложны... Догматы должны быть общеобязательными правилами или законами (?) для всякого верующего, не желающего отречься от Христа (???)... Церковь терпит в своих недрах грешников против заповедей, но отлучает всех противящихся или исключаящих ее догматы»². Во как! Догматы — концентрат богохульных имен, плод человекотворчества, сопровождаемого мордобоем, — оказывается, выше, много выше Закона и заповедей.

¹ Само слово «догматика» производится от греческого «догма» (*δῶμα*), которое в свою очередь является производной глагола *δοκέω* (*докéo*) — «полагать» или даже «казаться». Но дело не в этимологии. Догма должна была бы означать «учение», но в отношении того, чему «учит» церковь, слово «догма» гораздо более на месте, нежели «учение». А не резало бы ухо, если бы кто-то вместо «учение Христа» сказал «догма Христа»?!

² Полный православный богословский энциклопедический словарь. Ст. «Догматическое богословие».

Итак, преступников перед Богом и против Им данного Закона, о нарушителе которого сказано: «слово Господне он презрел и заповедь Его нарушил; истребится душа та; грех ее на ней» (Чис 15:31), — церковь в своих недрах терпит. Но еретическая мысль, ставящая под сомнение догматику, — о каком божественном происхождении вы говорите?! побойтесь Бога!!! — оказывается гораздо более тяжким преступлением.

И каким тоном высказывается сия «истина»! Впрочем, и тут все понятно. «Если, с одной стороны, император стремится к главенству в делах веры, то, с другой и [церковная] иерархия стремится обратить догматы в принудительные юридические нормы» (Е. Н. Трубецкой. Там же).

Но, господа «богословы», ведь не от вас же вышло слово Божие и не одних только вас достигло (ср. 1 Кор 14:36). И отлучить вы можете только от своего сомнительного сблища, в которое превратилась церковь, вплотную подойдя к вратам ада. Но вы не имеете силы отлучить ни от Христа, ни от истинной Церкви.

Вы утверждаете: «Не должно ожидать от Бога непосредственного откровения людям после Иисуса Христа новых догматических истин...»¹ Да как же у вас язык-то повернулся такое говорить?! Ведь для того Иисус и распялся, чтобы послать нам Духа Святаго (ср. Ин 16:7)!!! «Когда же придет Он, Дух истины, то *наставит вас на всякую истину*» (Ин 16:13)!!! А нам, по-вашему, не должно ожидать?! Ах да... ведь в приведенном запрете говорится об откровении новых *догматических* истин... Упаси нас Боже от них!!! От старых бы избавиться...

Но довольно! «Кто уверен в себе, что он Христов, тот сам по себе суди, что, как он Христов, так и мы Христовы» (2 Кор 10:7).

4

Итак, «и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси» (2 Пет 2:1); «из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою» (Деян 20:30); «ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых. И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды» (2 Кор 11:13–15). «Придет антихрист, и теперь появилось множество антихристов... Они вышли от нас, но не были нашими» (1 Ин 2:18–19). Можно было бы, чуть переставив слова, сказать даже так: они были не наши, но вышли-то от нас...

Одним словом, «Вы шли хорошо: кто остановил вас, чтобы вы не покорялись истине?» (Гал 5:7). Для ответа на этот вовсе не риторический вопрос Павла, нам придется в очередной раз сделать могущий поначалу показаться нелогичным скачок в повествовании.

В Откровении Святого Иоанна Богослова есть любопытнейшие слова послания Ангелу Ефесской церкви: «Впрочем, то в тебе [хорошо], что ты ненавидишь дела *Николаитов*, которые и Я ненавижу» (Отк 2:6), а чуть позже: «И у тебя есть держащиеся учения *Николаитов*, которое Я ненавижу» (Отк 2:15). Кто-то из читателей, вероятно, мог заинтересоваться, что это за николаиты, в чем состояло их учение, и какие они творили дела, что навлекли на себя столь высокий гнев.

Будет вполне естественным, если в поисках ответа на эти вопросы читатель потянется к библейским справочникам, словарям и комментариям на книги Священного Писания. Но не тут-то было — объяснений, могущих удовлетворить читателя и пролить свет на эту тайну, не существует.

Сразу бросается в глаза, что все комментарии по поводу николаитов опираются на буквально понятые слова самого же Откровения или даже просто на его буквальный пересказ. Вот какую

¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь. Ст. «Догматическое богословие».

«тайну» открывает нам «Библейский словарь» Э. Нюстрема (E. Nustrem): «Николаиты — партия, которую ненавидела Ефесская церковь (Отк 2:6); в Пергамской церкви существовали державшиеся их учения (ст. 15). Николаиты одобряли послабления относительно идолослужения и прелюбодеяния (ст. 14)». Заметим, впрочем, что ссылка на четырнадцатый стих некорректна, ибо там не говорится о николаитах, — там совершенно другая символика, поэтому ничего определенного по поводу идолослужения и прелюбодеяния этот комментарий не дает, а просто переставляет слова.

Откроем тогда католический «Ключ к пониманию Св. Писания»: «Николаиты — представители секты, находившейся в Пергаме. Из дальнейшего (см. Отк 2:14–15) выясняется, что николаиты проповедовали компромисс с язычеством и вели полуязыческий образ жизни; их можно рассматривать как предшественников гностиков [???]». В чем заключаются основания для последнего вывода, опять-таки остается скрыто мраком.

В попытках найти хоть какие-то концы сего загадочного учения иные толкователи готовы найти козла отпущения в не имеющих совершенно никакого отношения к сему злу людях.

Так, англоязычный Большой Библейский словарь (New Bible Dictionary) приводит такой домysel: «Предполагается, что Николай Антиохийский (Деян 6:5) дал имя секте ранней церкви, искавшей примирения с язычеством, дабы предоставить христианам возможность беспрепятственно участвовать в общественной и религиозной деятельности общины, в чьей среде они оказались».

Православная «Толковая Библия» (Лопухина) также ополчается против Николая Антиохийского: «Господь высказывает им [Ефесянам] похвалу за их нерасположенность к ереси Николаитов, происходивших от антиохийского прозелита Николая, одного из семи диаконов Иерусалимской церкви. В Ефесе николаиты были ненавидимы и изгнаны, так как представляли в своем учении распущенности совершенную противоположность благоразумной сдержанности Ефесских христиан, вообще не терпевших развратных».

Однако то, в чем же конкретно провинился столь безапелляционно и огульно осужденный диакон Николай Антиохиец, о котором Писание говорит, что он был исполнен «Святаго Духа и мудрости» (Деян 6:1–6), остается неясным ни там, ни тут. Неясным остается и то, в чем же состояла распущенность николаитов. Добавим здесь, что неприятие Иисусовой заповеди о запрете судить другого достигает в вышеупомянутом фрагменте комментария омерзительных и вместе с тем смешных форм, что особенно бросается в глаза на примере того, что Николай Антиохиец назван прозелитом, что, видимо, должно было прибавить подозрений к нему со стороны православного читателя. Да неужели же иудейское прошлое прибавляет христианской праведности?!

Не будем делать далеко идущих выводов из комментариев старой православной Библии и нового Библейского словаря, составители коих, судя, сделали то самое, в чем пытаются обвинять другого. Не будем и мы возлагать ответственность за эту ложь и клевету на все традиционное христианство. Ибо другое приблизительно столь же старое православное издание, «Библейская энциклопедия», пишет совсем иное: «Некоторые считают его [Николая Антиохийца] начальником секты николаитов, но трудно согласиться, чтобы муж, исполненный Св. Духа, мог быть начальником столь безнравственной секты». Казалось, безвинно оклеветанного Николая оправдали, однако о сути сей безнравственности опять не говорится ничего, хотя «Библейская энциклопедия» и пишет такое, что может навести нас на истинный след: «Некоторые полагали, что это название есть символическое, что Николай в буквальном значении соответствует Валааму и что им означаются все лжеучители, подобные Валааму, увлекающие к идолопоклонству и нечистоте».

И на всякий случай взглянем, что по этому поводу говорит Католическая энциклопедия: «Николаиты — секта, упомянутая в Откровении (2:6, 15), как бывшая в Ефесе, Пергаме и других городах Малой Азии, *о характере и самом существовании которой весьма мало сведений*. Ириней (Против ересей. I, XXVI, 3; III, XI, 1) рассуждает о ней, однако не добавляет ничего к Откровению, кроме того, что „они живут развратно“. Тертуллиан упоминает их, но, очевидно, знает лишь то, что и у Св. Иоанна (De Praescip. XXXIII; Adv. Marc., I, XXIX; De Pud., XVII). Ипполит основывает свой рассказ на Иринее, хотя он заключает, что диакон Николай был начальником ереси и секты (Philosoph., VII, XXVI). Климент Александрийский (Strom III, IV) обличает Николая и приписывает учение неразборчивости, которое секта, как утверждают, восприняла от него, злонамеренному искажению слов, чистых самих по себе. За исключением высказывания Евсевия (Н.Е., III, XXIX), что секта просуществовала недолгое время, ни одна из ссылок на Епифания, Феодорита и др. не заслуживает упоминания, поскольку они взяты из Иринея. Известное предположение, что николаиты держались антиномичной ереси в Коринфе, не было доказано. Другое мнение, коего придерживается целый ряд авторов, состоит в том, что из-за *аллегорического характера* Откровения упоминание николаитов — просто *символический способ изложения*, основанный на одинаковом значении имен с Валаамитами (Отк 2:14), упомянутыми непосредственно перед ними как проповедующие те же учения».

Обратив внимание на мысль об аллегорическом смысле, завершим предварительное исследование о николаитах комментарием Чарльза Скоуфилда: «Никакими древними авторитетами существование особой секты николаитов не подтверждается».

Так неужели же заслужившее столь гневного обличения учение оказалось в историческом аспекте столь нежизнеспособным, что погибло, не оставив после себя иного следа, кроме двух строк в Священном Писании? А может быть, во времена Иоанна Богослова и не было никаких николаитов? А может быть, никаких николаитов не было и во времена Иринея, а последний просто «на всякий случай» пошел на подлог, повторяя аллегорию Апокалипсиса как историческое свидетельство? Ведь положительный ответ на этот вопрос прямо следует из мнений и православных и католических ученых, указывающих на символический характер Откровения Иоанна.

Для того чтобы окончательно ответить на эти вопросы и открыть тайну николаитов, надо вспомнить, что Откровение Иоанна, как ни одна другая книга Нового Завета, является книгой пророческой — пророческой целиком. Иными словами, в символических посланиях Ефесской и Пергамской церквям обличается учение, искать которое в современных Откровению источниках было бесполезно, ибо сие учение тогда еще только зарождалось, хотя до его расцвета оставалось не столь долгое время. Однако в грядущих по отношению к Откровению временах (во II–IV веках) поискать николаитов никто (или почти никто¹) не догадался.

Ну не догадался, так не догадался. Зато сие сделали мы, хотя на первых порах и мы вынуждены будем признать наше фиаско в поиске собственно николаитов, ибо такого имени никогда не носила ни одна секта, ни одна конфессия, ни одно учение ни в рамках христианства, ни гностицизма, ни язычества. И не надо быть пророком, чтобы предсказать, что и не будет носить, ибо так не согласится назвать себя ни одно из направлений христианства, не рискуя быть обвиненным в связи с Валаамом.

Что же скажем? Неужели же неправда у Бога, попустившего ложь в виде упоминания в богодухновенной книге несуществующего николаитства? Никак! Но будучи не в силах отыскать николаитов, отдадим себе отчет, что николаитство не могло образоваться без некоего Николая,

¹ Прежде всего мы имеем в виду Николая Морозова* (1854–1946).

и попробуем открыть, от какого же Николая проистекает сие заблуждение и какой Николай олицетворяет ненавидимое Господом. Заодно нам придется проверить, действительно ли дела сего Николая заслуживают высочайшего гнева.

Видимо, не имеет особого смысла и далее интриговать читателя. Да история борьбы «непогрешимой» церкви с разного рода ересями не настолько богата заслуживающими внимания Николаями, чтобы их был целый сонм, дабы нам рисковать ошибиться, выбирая одного.

Начать поиск (и сразу его закончить) мы можем с самого известного в среде традиционного христианства, самого — после, пожалуй, только Бога, да Пресвятой Богородицы — почитаемого Восточной церковью святого — архиепископа Мир Ликийских Святителя Николая, в просторечии носящего короткий титул Николая Чудотворца¹, а на Западе более известного под именем Санта-Клаус...

При всем сказанном мы хотели бы подчеркнуть, что мы не имеем намерения лишить детей (и взрослых) рождественской радости, приносимой западным Дедом Морозом, тем более что современный Санта-Клаус, по сути, утерял свою связь с «чудотворцем». По крайней мере, лишь образованные люди знают, что Санта-Клаус происходит от святителя из Мир Ликийских. И мы не собираемся осуждать «чудотворца». В этом просто нет никакой нужды, так как в смысле осуждения Николай «чудотворец» просто находится на самообслуживании.

Читатель, открывавший хоть раз житие «святого» Николая, при некотором внимании обнаруживает, что само сие житие его обличает, а осуждает себя он сам, поэтому нам нет вовсе никакого смысла делать двойную работу, даже если бы мы и были полны желания Николая осудить.

Открыв «Житие Святителя Николая», читатель, — если, конечно, глаза его не одеты в духовные шоры фанатической веры в заступничество и чудотворение Николая, — а, вообще говоря, духовность не может ни при каких обстоятельствах сочетаться с фанатизмом, — такой читатель сразу наткнется на множество внутренних и внешних противоречий.

Ну чего стоят, например, такие подробности жизнеописания молодого Николая: «Жил он, как нищий, не имел, где преклонить голову»... Ну прямо как Сын Человеческий (ср. Мф 8:20; Лк 9:58). Сии слова должны были бы вызвать слезы умиления, если бы спустя несколько строк не выяснилось, что, возвысившись чудеснейшим образом от пресвитера, коим он стал благодаря своему дяде, сразу аж до архиепископа, он тут же нашел, где преклонить голову, и нищенский образ жизни оставил. Он обзавелся домом и состоянием, которое вовсе не продал и не роздал нищим (ср. Мф 19:21; Мк 10:21; Лк 18:22). Правда, благотворительностью Николай все же занимался: нищих он питал.

В числе же даров Святого Николая проявились прозрение и чудотворение: он «предвозвестил наступающую жестокую бурю и силой своей молитвы усмирил ее». Если читатель не сразу понял суть чуда, сотворенного Николаем, посоветуем повторить то же самое — вероятность удачи весьма близка к единице. Если ничего не случится, ты скажешь, что усмирил предсказанную тобой же бурю. Но если буря все-таки, к несчастью, случится, то ты все равно останешься в выигрыше,

¹ В своей книге «Христос» Н. А. Морозов пишет: «На Никейском соборе в 325 году спор мог быть только между арианами ... и *николаитами*, упоминаемыми в Апокалипсисе и имевшими своим представителем Николая, прозванного чудотворцем» (Христос I.IV). Правду сказать, Морозов настаивает, что временем написания Откровения следует считать конец IV века, а автором вовсе не новозаветного Иоанна Богослова, ученика распятого при Понтии Пилате Иисуса, но другого Иоанна — Златоуста. Смелое предположение, что и говорит! Однако в этом случае весьма трудно вообразить, что Златоуст мог отозваться о Николае настолько нелестно. К тому же нет никаких даже смутных намеков на принадлежность Златоуста к партии Ария или хотя бы сочувствия взглядам ариан. Одним словом, никак не почитая Морозова за авторитет, мы все же признаем, что не мы впервые связали николаитов с Николаем, «прозванным чудотворцем».

ибо бурю ты все же предсказал... Еще можно предсказать землетрясение в тундре или наводнение в Сахаре и тотчас же усмирить стихию — здесь успех гарантирован на сто процентов. Правда, из опасений быть осмеянным ни один даже самый дешевый фокусник не решится включить такое чудо в программу. Ну если только детишки, которые играют в цирк... и играют на свирели, и поют печальные песни.

В другой раз, очевидно, совершенно забыв о своих способностях прозрения и чудотворения, с тем чтобы предвидеть и усмирить шторм на море, «святитель» сумел зато чудеснейшим образом телепортировать, и, перенесшись через десятки километров [к чему такие сложности при даре чудотворения?!], «появился на корме у руля терпящего бедствие [корабля], стал управлять кораблем и привел его в гавань». Что скажем? Ну не получилось предсказать. Ну не получилось усмирить — с кем не бывает! Разве это может смутить чудотворца такого класса? Правда, тут в чудотворении пришлось заткнуть за пояс Самого Христа, Который никогда никуда не телепортировал, а везде и всегда ходил пешком, лишь в Иерусалим на Пасху въехав на осле...

На тот факт, что Николай был «святее» Самого Иисуса указывает множество обстоятельств. Например, будучи еще грудным младенцем: «Он питался молоком одной правой груди [матери], знаменуя тем будущее стояние свое одесную Господа... а по средам и пятницам вкушал молоко матери только один раз, и то вечером». Вот оно — свидетельство, что можно сотворить более, чем Христос (ср. Ин 14:12), — была бы только вера у грудного младенца. Впрочем, это — еще только цветочки.

Однако мы не видим необходимости в подробном анализе фактов, описанных в «Житии» Святителя Николая, ибо было бы достаточно одного, мягко говоря, заставляющего усомниться в его святости. Сии сомнения неизбежно возникают у нечуждого Христовой этике читателя при ознакомлении с ролью Николая Чудотворца на Первом вселенском соборе в Никее (325) и его манерами и этическими принципами.

Итак, открыв «Житие», читаем: «Во время одного из соборных заседаний, не стерпев богохульства Ария, Св. Николай ударил этого еретика».

Что же скажем? Ведь такое поведение Николая противоречит всему учению Христа! Вспомним: Михаил Архангел, когда говорил с диаволом, споря {о Моисеевом теле}, не смел произвести укоризненного суда, но сказал: „да запретит тебе Господь”» (Иуд 9). Николай, видимо, понимал, что в его устах подобные слова не возымеют желаемого действия по той простой причине, что Господь их не станет слушать. А может быть, Михаил Архангел просто не пример Николаю, и Николай пускает в ход более, с его точки зрения, верное средство — кулак.

Ну пусть... Можно представить себе *по человеческому разумению*, что Николай вышел и привел *все возможжжные аргументы*, и лишь после этого не стерпел и вмазал нечестивцу по морде... Ничего подобного! Если бы Николай имел бы *хоть какие-то разумные* аргументы, это не было бы обойдено вниманием его приверженцев и было бы отражено хотя бы в его «Житии». Сии Николаевы аргументы вошли бы в историю. Но ничего подобного! Никаких аргументов у Николая и быть не могло. Он просто вышел и заехал тому, кто имел другое мнение, в рыло... И после этого он святой!?

Как, надеемся, понял из всего нашего повествования читатель, мы вовсе не собираемся утверждать праведность арианства, но и преувеличивать страсти, связанные с ересью Ария, мы вовсе не склонны, особенно в сравнении с ересью Николая. Однако даже если представить арианство как наизлейшее из всех заблуждений, от которого может пострадать истина, то и тут поведение Николая против своего оппонента ни чем не оправдано: «Не будь побеждаем злом, но побеждай зло добром» (Рим 12:21); «Смотрите, чтобы кто кому не воздал злом за зло» (1 Фес 5:15); «Не воздавайте злом за зло или ругательством за ругательство; напротив, благословляйте» (1 Пет 3:9); «Гневаясь, не согрешайте» (Еф 4:26).

Не нужно быть ни пророком, ни духовным (ср. 1 Кор 14:37), чтобы понять, что последние речения никак не связываются со «святителем» Николаем, который и епископский сан не имел права носить, ибо *«епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца... но воздержан...»* чтобы он был силен наставлять в здравом учении и противящихся обличать» (Тит 1:7–9). Подчеркнем еще раз: не гневлив, не бийца, но воздержан, чтобы был силен в наставлении и обличении согласно учению. Слова сии сказаны о ком угодно, но только не о Николае. Но зато именно о нем говорится: «Глупца убивает гневливость, и несмысленного губит раздражительность» (Иов 5:2).

Прибавим и еще, хотя это и не обязательно: если бы Арий ответил на удар Николая, то у такого его поступка не было бы ни малейшего шанса быть упущенным летописцами и жизнеписателями последнего. Но в том-то и дело, что, едва ли быв много выше Николая в богословском аспекте, Арий оказался на голову выше с христианско-этической стороны, ибо как будто именно о нем сказано: «Не противься злему, но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф 5:39; Лк 6:29); «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу [Божью], ибо написано: Мне отмщение и Я воздам, говорит Господь» (Рим 12:19).

Николай же не столько терпелив и воздержан, чтобы ждать, когда еще Господь воздаст и отмстит за Себя, — он знает более верное средство. Спасибо еще, что ко времени Никейского собора не было рыцарских орденов, и Николай не мог к ним принадлежать, а то — окажись на бедре чудотворца меч — за душу Ария нельзя было бы дать и полушки.

Справедливость требует признать, что отцы Собора, как повествует житие Николая, «сочли такой поступок излишеством ревности, лишили Святителя Николая преимущества его архиерейского сана — омофора, и заключили его в тюремную башню. Но вскоре они убедились в правоте Св. Николая... Они освободили его из заключения, возвратили ему его прежний сан и прославили его как великого Угодника Божьего».

Но что же заставило отцов Собора изменить свое мнение об излишестве ревности? «Многие из них имели видение, когда пред их очами Господь наш Иисус Христос подал Святителю евангелие, а Пресвятая Богородица возложила на него омофор». Что ж, трогательно! Однако «отцы» не вспомнили, «что сам сатана принимает вид Ангела света» (2 Кор 11:14), и что если бы даже Сам Ангел с неба стал благовествовать не то, что благовествовано в Евангелии, да будет анафема (ср. Гал 1:8).

Даже учитывая, что среди отцов собора грамотны были не все, странно, почему никто из них не вспомнил пророческого слова: «Я слышал, что говорят пророки, Моим именем пророчествующие ложь. Они говорят: „мне снилось, мне снилось.“ Долго ли это будет в сердцах пророков, пророчествующих ложь, пророчествующих обман своего сердца? Думают ли они довести народ Мой до забвения имени Моего посредством снов своих, которые они пересказывают друг другу, как отцы их забыли имя Мое из-за Ваала? Пророк, который видел сон, пусть и рассказывает его, как сон; а у которого Мое слово, тот пусть говорит слово Мое верно» (Иер 23:25–28).

Кто-то может возразить, настаивая что Николай совершил великую жертву, пав в глазах многих ради доказательства «истины». Такое мнение кажется нам безрассудным само по себе, так что мы не считаем нужным даже обсуждать его. Единственное, что мы можем пожелать, — чтобы читатель, разделяющий это мнение, не слишком далеко зашел в такой логике.

Кто-то другой, возможно, будет повторять мнение, что не существует достоверных *исторических* свидетельств не только рукоприкладства Николая против Ария, но даже его присутствия на Соборе, поскольку его имя не упомянуто ни в одном дошедшем до нас списках епископов, принимавших участие в Соборе. С таким взглядом стоит поспорить. Те, кто придер-

живаются этого мнения, по сути соглашаются, что если бы Николай действительно вел себя так, как описано в его «Житии», то он никак не мог бы считаться святым. А теперь мы спросим читателя, каков первейший и наиболее очевидный способ, при помощи коего подсудимый пытается избежать наказания в обычном, человеческом суде? Доказать свое алиби. Если алиби нет, его можно сфабриковать. Простейший способ — не признавать свидетельств, опровергающих алиби... История — не точная наука. История — дисциплина сугубо спекулятивная: что мы можем с этим поделать? Что поделать с тем, что ценность исторических свидетельств и, особенно, «отсутствия» исторических свидетельств, соответствует этим спекуляциям.

Возвращаясь к житию Николая, отметим, — удивительнее всего, что читателю предлагается поверить в «глубокое смирение», в «крайнее смирение» чудотворца. Правда, как то следует из «Жития», свое крайнее, предельное, глубокое смирение Николай проявлял по большей части на начальной стадии своей карьеры. Зато после рукоположения в архиепископы он уже не стеснялся требовать разных «достойнейших» вещей, «угрожая (!) поднять мятеж (!) и лишить царя власти», и даже угрожая «великими несчастьями» и «злою смертью». Комментарии, как говорится, излишни...

Моисеев Закон, как помнится, не содержит запрета на такого рода деятельность, зато в иных законоуложениях подобное деяние ясно определено словом «шантаж» или даже «рэкёт». Тут мы, кажется, и определили еще одну категорию деятельности, находящуюся под личным покровительством Николая в дополнение к мореходам, путешественникам, купцам, пекарям, детям (играющим на свирели и поющим печальные песни) и проч.

Что же скажем? Мы имеем слишком много примеров повторения такого пути наверх, к власти, людьми, умевшими пустить пыль в глаза своим смирением и послушанием, после чего, достигнув своей цели, они уже не стеснялись угрожать, шантажировать и применять силу.

Читателю «Жития» предлагается также верить в то, что «Св. Николай прославился как умиротворитель враждующих». Разве не был он миротворцем? Конечно же, был: «Начальники... усмирили мятеж, и были почтены благословением Николая». Не будем настаивать, что восстание не должно было подавляться вооруженной силой, однако такого рода «миротворчество» в жизнеописании святого больше смахивает на дурной армейский юмор.

Заслуживает особого внимания ревность Николая в борьбе с инакомыслием, когда «заботу об очищении тишеницы Господней от плевелов еретической прелести» — что домовладыка из Притчи о плевелах запретил делать — он проявлял, «разоряя и обращая в прах» языческие храмы. Интересно, какими словами сопровождается описание борьбы «святителя» с храмом Артемиды: «Ратоборствуя с духами злобы... Святой Николай разорил сей храм скверны, сравнял высокое его здание с землею и самое основание храма, бывшее в земле, разметал по воздуху». Жившие во храме духи злобы отвечали тем, что «испускали скорбные вопли». «Святость» Николая не позволяет нам заподозрить его в том, что он проявил в борьбе с духами больше злобы, нежели самые духи злобы, ибо для Николая, несмотря на все написанное в Библии о гневе, ничего не стоило соединить «с кротостью ярость». В нашем понимании сие-то и есть величайшее из чудес, сотворенных Николаем, в особенности если под чудом понимать то, что противно природе.

По отношению же к раскаявшемуся и просящему у Святителя прощения Николай мог повести себя так: «Угодник Божий с презрением отвернулся от него, и когда тот упал ему в ноги, то оттолкнул его. [Ради спокойствия совести будем полагать, что «чудотворец» оттолкнул упавшего перед ним не ногой, но нагнулся и сделал это рукой.] Призывая на него мщение Божие, святой Николай грозил ему мучением». Не удивительна ли такая «любовь» «святителя»? Чтобы разрешить сомнения читателя, напомним: «Любовь долготерпит, милосердствует... не бесчинствует... не раздражается, не мыслит зла... все покрывает... все переносит» (1 Кор 12:4–7).

Итак, если что и удивительно, так это то, что все подвиги Николая так и описаны в «Житии» — без стыда перед людьми и без страха перед Богом. Истинно, «возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело» (1 Кор 5:2).

Множа свидетельства святости Николая, авторы «Жития» его помимо своей воли множат обличения, и, видимо, осознавая шаткость своих свидетельств о сей святости, приводят довод, призванный, по их мнению, окончательно склонить чашу весов в нужную им сторону: «Даже турки мусульмане имеют глубокое уважение к Святителю Николаю: в башне они до сего времени бережно хранят ту темницу, где был заключен сей великий муж». Ну раз даже турки мусульмане призваны в свидетели святости Николая, значит сомнений в его отношении быть не может.

Не имея, впрочем, абсолютно ничего против турок, мы хотели бы задать вопрос: а если бы сам сатана почтил Николая, то было ли бы сие зачтено последнему в заслугу или же свидетельствовало о его позоре? Весьма любопытно также узнать, что за «евангелие» подал Николаю сатана, принявший вид Самого Господа Иисуса Христа (ср. 2 Кор 11:14), чтобы оправдать надругательство над истинным Евангелием Иисуса. Ведь ясно же, что если бы настоящий Христос вручил Евангелие такому человеку, как Николай, то тем самым Он фактически признал, что на месте Николая Он поступал бы и в отношении Ария, и в других описанных случаях не менее противно Евангелию, и таким образом отрекся от всего в настоящем Евангелии написанного.

Читатель будет прав, если попытается сопоставить описанное выше с известным случаем изгнания Иисусом торгующих из храма. Мы не будем сейчас говорить о его символическом смысле. Повествование это приводится всеми четырьмя Евангелистами, причем наиболее резкие выражения, если здесь можно говорить о резкости, использует Иоанн: «Иисус пришел в Иерусалим и нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, [также] и овец и волов; и деньги меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул» (Ин 2:13-15 ср. Мф 21:12,13; Мк 11:15; Лк 19:45). Заметим, однако, что даже в Иоанновом Евангелии нет хоть сколь-нибудь скромного описания избиения Иисусом торгующих бичом из веревок. Предположение же о том, чтобы Иисус ударил кого-то по лицу, звучит просто дико. И на основании истинного Евангелия абсурдно подумать, что Иисус мог ударить даже самого лживого из фарисеев, оттолкнуть самого упрямого из саддукеев, с презрением отвернуться от самого заносчивого из книжников. Зато все сие именно так и сделал бы князь мира сего.

Все сие не помешало Андрею Критскому сказать, что «Святитель Николай сиял... как звезда утренняя». А такое уподобление Николая кощунственно уже в силу того, что им Николай уравнивается со Христом, ибо сказано: «Я, Иисус... есмь... звезда светлая и утренняя» (Отк 22:16). Конечно, Николай — звезда, но звезда блуждающая (ср. Иуд 13), одна из тех, о коих сказано: «звезды падут с неба» (Мф 24:29; Мк 13:24).

Весьма символично, что Николай воссиял именно на Первом вселенском соборе, закрепившем в церковном предании три описанных выше отречения и составляющих суть николаитского учения. Напомним читателю в этой связи, что Собор был созван с целью разрешить конфликт между двумя враждующими партиями. Как они себя звали? И как назовем их *мы*? Звали ли себя арианами последователи Ария? И звали ли себя их противники николаитами? Положительные ответы на эти вопросы нелепы, ибо обе партии считали себя *православными*. Победи на соборе ариане — в безумии говорю — и мы вряд ли когда услышали бы такое название, ибо именно они считались бы тогда православными, «бережно сохранившими преданное от Апостолов». Соответственно о николаитах мы знали бы тогда, что это самое опасное учение.

Другими словами, зная весьма мало об Арианах (естественно, благодаря стараниям их оппонентов), мы имеем всеобъемлющее знание о николаитах и их делах, столь ненавидимых

Господом. Касательно же причин этой ненависти, развратности и нечистоты их дел мы сказали достаточно в главе о единстве, чтобы не повторяться. Николай и иже с ним взяли верх над Арием, стали первыми. Но не будем забывать: «Многие же будут первые последними» (Мф 19:30; Мк 10:31). К кому, как не к Николаю «чудотворцу», относятся эти слова?!

5

В одной из первых глав мы обмолвились, что со времени принятия в начале IV века Миланского эдикта, узаконившего в Римской империи христианство, началось сложное для последнего время. После всего сказанного в настоящей главе пришла пора высказаться по этому поводу более определенно. Суть вопроса заключается в том, что до того времени христианская церковь находилась фактически вне закона, в подполье, в катакомбах. В те времена было просто-таки *небезопасно* объявлять себя христианином, приверженцем учения, с коим государство вело открытую войну. Официальное признание христианства в качестве государственной религии независимо от того, Миланский ли эдикт был этому виной или что иное, означало более чем крутой поворот, последствия и значение которого можно, однако, заметить и оценить, лишь взглянув на значительный по протяженности отрезок времени, завершающийся только в середине VI века.

К определенному времени христианская церковь из гонимого за инакомыслие сама превратилась в гонителя всякого инакомыслия. Еще не пылали костры инквизиции на Западе, и еще не сажали на кол на Востоке, но первый звонок, предвещавший будущие аутодафе, прозвучал уже в IV веке, когда «братья-христиане» разграбили и уничтожили крупнейшую по тем временам Александрийскую библиотеку. Можно себе представить, как злобны были жившие там духи! И если еще в III веке было опасно быть христианином, то со временем стало вовсе небезопасно *не* быть христианином. То есть... прости, внимательный читатель, небезопасно стало *не* быть *николаитом*. Быть истинным христианином — всегда опасно.

Мы ни в коей мере не хотим брать на себя ответственность в суждении о том, полезны ли гонения на церковь для самой церкви, или свою миссию церковь сможет выполнять более плодотворно в мире с миром. Сие вообще не может являться предметом нашего обсуждения, дабы нам не впасть в соблазн кого-либо осудить. Сказав сие, мы должны обратить внимание читателя лишь на то, что на смену гонений для церкви пришли времена *безопасности* и «мира».

Читатель, вероятно, видит, что мы подвели его к черте, на которой ясным становится еще одно предсказание Павла: «Когда будут говорить: „*мир и безопасность*“, тогда *внезапно* [сразу же] постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут» (1 Фес 5:3).

Вряд ли надо вдаваться в разъяснения, что и это, как многие уже рассмотренные в настоящей главе предвидения, совершенно однозначно связывается нами со временем закрепления известных *трех отречений* Никейским собором, потому сей собор и нужно считать Собором *николаитов*.

6

В качестве завершающего материала мы считаем уместным коснуться весьма большого вопроса — судьбы России. В этой связи отметим, что едва ли найдется такой русскоязычный читатель нашей книги, которому было бы незнакомо понятие «Святая Русь». Об этой идее написано столько, что нам вряд ли представляется возможность что-либо добавить, — настолько восхваляемо и превознесено то, что вкладывается в эти слова людьми, произносящими их.

Мы тем не менее считаем уместным провести небольшой экскурс в историю сей утопии, для чего воспользуемся помощью автора «Истории русской философии» Василия Зеньковского, ибо именно ему как нельзя более исчерпывающе удалось описать интересующий нас вопрос в столь кратком фрагменте. Откроем его книгу:

С падением Византии в русском церковном сознании навязчиво стала утверждаться мысль, что отныне «богоизбранным» царством является русское царство.

Уже после Флорентийской унии (1439) в русских церковных кругах окончательно утвердилось недоверие к грекам, пошедшим на эту унию; русская церковь стала сознавать себя единственной хранительницей истины Христовой в ее чистоте. К этому же как раз времени относится возникновение замечательной легенды о «Белом клобуке», в которой утверждается избрание свыше русской Церкви для хранения истины Христовой. С особой силой стала утверждаться идея «странствующего царства»: первые два Рима (Рим и Константинополь) пали, где же третий, новый? Русская мысль твердо и уверенно признала Третьим Римом Москву, ибо только в России и хранилась, по сознанию русских людей, в чистоте христианская вера. В связи же с прежними эсхатологическими идеями, к этому присоединялось положение: «четвертому Риму не быть», — т. е. русскому царству дано будет стоять до конца мира. Из этих историософских положений важно отметить идею особой миссии русского народа, русского царства. Как раз в XVI веке впервые выдвигается учение о «Святой Руси».

Итак, в устах иных словосочетание «Святая Русь» превратилось едва ли не в синоним «Царства Небесного». Во всяком случае апологеты этой идеи серьезно считают, что ни одна другая часть света столь не близка к Царству Небесному, как Русь. Правда, критически мыслящий читатель может оказаться до некоторой степени смущенным тем обстоятельством, что, несмотря на столь лестную для России близость к Царствию Божию, именно Она — с луковичными ли куполами и малиновым звоном или же с красными звездами и песнями про пламенный мотор вместо сердца — *всегда* оставалась страшным для всего остального мира примером того, чего всеми силами надо стремиться избежать, ибо нигде и никогда человеческая жизнь не имела столь низкой цены, как в России.

Мы выделили слово «всегда», ибо устрашающую картину Россия являла собой и во времена монголо-татарского ига, и во времена опричнины Ивана Грозного, и во времена следовавшей смуты. Как отмечает Чаадаев: «Русский народ попал в [крепостное] рабство лишь после того, как стал христианским» (Философические письма II).

Сие продолжалось и во времена великого реформатора Петра, и во времена наполеоновской войны, и во времена отмены крепостного права, а уж о XX веке просто неприлично даже и говорить. Среди этих времен были периоды, в которые никогда не ощущавшая конкуренции со стороны иных конфессий Русская православная церковь процветала, были периоды, как во времена Петра, относительного ограничения ее прав, были и периоды гонений, — ничего не менялось лишь в отношении ужаса и тьмы, пронизывавших сию «Святую Русь».

Возражать против такого положения было невозможно даже с позиций самой церкви, и с точки зрения богословских воззрений сему надо было дать хоть какое-то объяснение. И требуемое объяснение было дано. В соответствии с этой «концепцией», хотя правильнее назвать ее спекуляцией, измышлялось, что «Святая Русь» воистину, как ни одна другая часть света, близка к Царствию Божию, и благодать Святаго Духа достигает на Руси такой силы, что россиянам-православным должно быть просто жалко всех остальных жителей земли, лишенных такого

дара. Однако, домысливалось далее, и диавол не дремлет, а посему устремляет наибольшие свои усилия, противодействуя Божией благодати, на Россию, туда, где и Дух Святый имеет наибольшую силу. Вот это-то влияние духа сатаны и вынуждена испытывать сия страна.

Такая «логика» оказалась столь блестящей, что не могла не заморозить одного из крупнейших (если не крупнейшего) в истории человечества палачей. Сей деятель с успехом продемонстрировал, что не напрасно протирал штаны на скамье духовной семинарии, ибо одной из самых замечательных его «идей» была «теория обострения классовой борьбы по мере продвижения к коммунизму», явившаяся просто слепком с церковного представления об усилении действия сатанинской силы по мере приближения к Царствию Божию. Однако оставим в покое недоучившихся семинаристов и займемся церковным учением.

Изложенная концепция, быть может, могла бы удовлетворить невзыскательного потребителя, если бы Священное Писание не содержало таких слов, реченных Господом устами пророков: «Я образу свет и творю тьму, делаю мир и *произвожу бедствия*; Я, Господь, делаю все это» (Ис 45:7); «Бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы?» (Ам 3:6); «Кто это говорит: „и то бывает, чему Господь не повелел быть“? Не от уст ли Всевышнего происходит бедствие и благополучие? Зачем сетует человек живущий? *Всякий сетуй на грехи свои*. Испытаем и исследуем пути свои» (Плач 3:37–40).

После сих свидетельств Писания о церковной теории происхождения зла на Руси можно только пожалеть, ибо от нее не остается даже и головешки, которая могла бы навевать воспоминания о старых добрых временах. Попутно заметим, что сии фрагменты фактически должны закрыть и извечную проблему противостояния Бога и сатаны. Но нас ныне должно более интересовать другое. Разве не привлекли внимание читателя слова: «Всякий сетуй на грехи свои. Испытаем и исследуем пути свои». Вот чем должны мы теперь заняться в разрешении вопроса о силе влияния духа сатаны на Руси, ибо Господь попускает сие зло, как пишет пророк Амос, более того, сему злу, согласно Иеремии, Бог повелел быть. Так каковы же грехи «Святой Руси»?

Сей вопрос можно ставить лишь формально, ибо после всего сказанного нами в настоящей главе, да и во всей книге, было бы крайней степенью несерьезности пытаться сделать вид, что он еще требует дополнительного исследования и рассуждения. Ибо всякий понял уже, что тем грехом, за который в течение многих сотен лет и наказывает Господь эту землю, является николаитство (хотя сами николаиты называют это «христианская вера в полной чистоте»). И сей-то есть именно тот случай, о котором Павел написал: «Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых открываются впоследствии» (1 Тим 5:24).

Все предыдущие наши рассуждения привели нас к выводу о том, что все конфессии, признающие Никейский символ, иными словами, все современные христиане могут с гордостью — или со смирением, если это более льстит их гордости — называть себя николаитами. Так что, казалось бы, и наказание за сей грех должно определенным образом распространяться и на папский престол, на протестантские страны. На самом-то деле так оно и происходит, но в наибольшей мере гнев Господень падает, конечно же, на Россию, являющую собой авангард николаитства.

Начальник николаитства почитается более всего именно в Русской православной церкви, и стоимость свеч, поставленных в самой захудалой православной часовне рукотворным идолам в виде мертвого дерева, называемого иконами Николая «чудотворца», превышает стоимость всех свеч, зажженных в его честь всеми инославными конфессиями за все времена. Сей факт говорит весьма о многом в символическом аспекте, но главное, конечно, не в том. И сие должно, как нам кажется, быть понятно читателю нашей книги, так что нам нет смысла повторять наши выкладки в очередной раз.

Все сказанное нами в нашей книге подводит к выводу: то, что составляет начало и сердцевину «Святой Руси» является школой многого такого, чего не слышно даже у язычников (ср. 1 Кор 5:1), ибо тут все, как один, «славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку.. заменили истину ложью» и поклоняются и служат «твари вместо Творца» (Рим 1:23 ср. тж. 1:25); вместо мужа имеют жену Отца своего, гордясь этим (ср. 1 Кор 5:1, см. I.X.8.4, с. 327–329); всегда учащимся и никогда не могущим дойти до познания Истины (ср. 2 Тим 3:7) «обещают свободу, будучи сами рабами» (2 Пет 2:19); не исповедуют «Иисуса Христа, пришедшего во плоти» (1 Ин 4:3), но Христа, приходившего во плоти (см. I.XII.1, с. 367–368); отменили «заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание» (Мк 7:9); «злословят то, чего не знают» (Иуд 10) и «уклонились в пустословие» (1 Тим 1:6), говоря: «мы сами себе господа» (Иер 2:31).

За что Господь так поступил с этим великим городом?

И скажут в ответ: «за то, что они оставили завет Господа Бога своего и поклонялись иным богам и служили им» (Иер 22:8–9); «Несчастливы города, которым служили дети твои» (Вар 4:32);

Ибо раздражили сотворившего вас,
принося жертвы бесам, а не Богу

(Вар 4:7); «Все те бедствия, какие Господь изрек на нас, постигли нас» (Вар 2:7); и (Иер 21:9–10):

Кто останется в этом городе,
тот умрет от меча и голода и моровой язвы;

а кто выйдет... тот будет жив, душа его будет ему вместо добычи; ибо

Я обратил лице Мое против города сего, говорит Господь.